

РАССКАЗ IX.

Финикияне. — Мореплавание. — Торговля. — Колонии.

Говоря о Сирии, мы остановились на горах Ливанских и заметили, что эти горы тянутся вдоль берега Средиземного моря, оставляя между собою и морем только узкую приморскую полосу. Эта узкая полоса земли представляет много сходства с Ханааном; такое же плодородие, особенно по берегам небольших рек, стекающих в море с покатостей гор; такая же или даже еще более богатая растительность: на горах — великолепные, могучие кедры; в низменностях — финиковые пальмы. Кроме этих удобств, было еще одно, которого не имел Ханаан, — близость моря.

Одно только неудобство было, что земли было слишком мало, чтобы на ней мог жить и кормиться многочисленный народ (часть и без того узкого побережья, которая лежала у самого моря, была покрыта морским песком, и здесь земледелие было, разумеется, совершенно невозможно), а между тем близость моря и хороший климат привлекали население. Так как земля не могла прокормить всех жителей, то поневоле пришлось *обратиться к морю* и в его волнах искать средств

для существования. Первым предметом, который можно было добыть в море, была, естественно, *рыба*. Финикийцы действительно, прежде всего принялись за рыбную ловлю и вместе с этим выучились делать сначала небольшие лодки, в которых плавали около берега; потом стали строить суда побольше и в них мало-помалу отваживаться на более далекие плавания! Таким образом, они понемногу освоились, свыклись с морем, из рыболовов сделались *моряками*, и со временем море стало для них второй родиной. Эти первые моряки, разумеется, не были похожи на моряков нашего времени, точно также и суда их не могли равняться с нашими теперешними кораблями. Суда эти сравнительно с теми, какие строят теперь, были, особенно вначале, очень малы и двигались они, главным образом, на веслах, посредством гребцов ¹⁾). Компаса тогда еще не знали, а потому даже и при более продолжительных поездках приходилось держаться, главным образом, только вдоль берегов, не теряя из виду земли.

По всей вероятности, финикийцы, решившись предпринять более отдаленную поездку, поплыли сперва вдоль берега в северном направлении — к Малой Азии, и на этом пути должны были встретить остров *Кипр*. На этой новой земле они нашли и новый продукт — *медную руду*. Эта первая находка и надежда других таких находок должны были заманивать и завлекать финикийцев все дальше и дальше. Случай, говорит Геродот, навел, между прочим, финикийцев еще в их собственной стране на открытие *пурпурной краски*. Это была темноватая жидкость, краснеющая на воздухе, заключавшаяся в раковине одной породы улиток, которую находили на морском берегу. Набрав таких раковин, их толкли, потом вываривали и, таким образом, получали *пурпур*, в которой окрашивали полотняные и шерстяные ткани: для окраски *одного* фунта шерсти требовалось, говорят, до *шести* фунтов пурпурной жидкости. Когда на собственных берегах запас этих драгоценных

¹⁾ Впоследствии финикийцы выучились строить для дальних плаваний корабли больших и даже очень больших размеров, о пятидесяти и шестидесяти веслах; весла больших кораблей были так массивны и тяжелы, что каждое весло иногда приводилось в движение тремя, четырьмя гребцами за раз. Очень красиво было смотреть на такой корабль, когда он несся по воде, мерными взмахами длинных весел, точно птица крыльями, распекая волны. *Нос*, т. е. передняя часть корабля, был обыкновенно изогнутый и заканчивался иногда резной, больших размеров фигурой какого-нибудь зверя.

раковин весь истощился, должно было явиться желание по-искать их в других странах, за морем. За Малой Азией финикияне поплыли Эгейским морем, а мы знаем, что это море представляет одну особенность: все оно так часто усеяно островами, что с одного острова можно различать простым глазом берег другого ближайшего, и, таким образом, острова эти составляют как бы непрерывную цепь, которая тянется вплоть до европейского материка. Европейский материк был в то время населен еще полудикарями и по своему географическому положению на западе, где заходит солнце, откуда приходит *ночь*, должен был представляться финикиянам страной мрака, царством ночи. Поэтому они назвали эту страну *Эреб*, т. е. темная, мрачная (собственно «на закате солнца лежащая») откуда образовалось и наше: *Европа*. В Греции финикияне, действительно, нашли

Рис. 36. Пурпуровая раковина.

не только такие раковины, как искали (например, близ «пурпурового острова» — *Киферы*)¹⁾, но и другие произведения, которые оказались им пригодными (например: звериные шкуры, шерсть и проч.).

Плавая у берегов Греции и между островами Эгейского моря, финикияне встречали соперников, моряков и купцов с различных островов Эгейского моря. На острове *Крите* было тогда большое и старинное царство; развалины дворцов и городов, принадлежавших критским царям, были недавно раскопаны европейскими учеными, и среди развалин дворцов было найдено множество предметов, сработанных местными и *египетскими* ремесленниками. Были найдены глиняные, золотые и бронзовые сосуды, богато и красиво разукрашенные изображениями рыб, раковин и цветов; нашли даже изделия из слоновой кости и из черного дерева. Ученые узнали, что многие вещи были сделаны в Египте, потому что на них оказались египетские надписи с именами египетских фараонов. Но было найдено также много вещей критской работы, с над-

¹⁾ У южных берегов Греции.

писями, сделанными непонятными письменами, очевидно, на том языке, на котором тогда говорили жители Крита. Вещи эти были сделаны не менее красиво и прочно, чем египетские, так что и египтяне охотно их покупали. Из египетских надписей мы знаем, как назывался народ, живший на Крите: египтяне называли его *ханебу*, но, к сожалению, мы не знаем, к какому племени он принадлежал, и на каком языке говорил. Но это был сильный и образованный народ, непохожий на диких обитателей тогдашней Европы. Некоторые племена тогдашней Греции вели сношения с этим народом: при раскопках около греческих городов

Микен и Тиринфа было найдено много критских изделий. Критские корабли плавали по всему Эгейскому морю и по восточной части Средиземного моря задолго до появления там финикийн. Но за 1300 лет до Р. Хр. пришли на Крит из Греции полудикие завоеватели и покорили критян, разрушили их города и дворцы и разорили их торговлю. С тех пор надолго остались главными торговцами на Эгейском море финикийне >.

Мы видели, что финикийне плавали по берегам Малой Азии, бывали на островах Архипелага, ездили в Грецию; но этим далеко не ограничивались их поездки по морям. За Грецией они добрались до острова *Мальты* (*Мелита* древних), который имел для них весьма важное значение, как перепутье. На нем было удобно пристать, найти съестные припасы, запастись пресной водой, вообще отдохнуть, а в то время это было гораздо важнее, чем теперь. И гребцам нужен был отдых, и корабли были так невелики, что нельзя было сразу делать очень больших запасов воды и пищи, особенно, когда еще требовалось много места для товарного груза.

В наше время даже самые отдаленные морские путешествия не представляют уже ничего особенно удивительного или трудного. В наше время даже путешествия вокруг света стали не редкость, потому что везде можно встретить города, образованных жителей, возобновить запасы, починить корабль, да и самое плавание теперь, конечно несравненно быстрее. Не так было в то отдаленное время, когда финикийне совершали свои, по тому времени действительно смелые, путешествия. Тогда на путешествие, которое теперь совершается в месяц, требовалось три года. Компаса, как мы уже сказали, не было; в ясные ночи можно было узнать путь по звездам; особенно полезна была финикийнам одна звезда, которая у нас называется *полярной*

и находится в созвездии Малой Медведицы; эта звезда тем отличается от других, что не изменяет своего положения на небе, и по ней поэтому всегда можно найти север; в древности она так и называлась *Финикийскою звездою*. Но трудно приходилось в пасмурную погоду, когда небо покрывали облака: буря могла прибить корабль к пустынному берегу, который был или вовсе необитаем (людей тогда на свете, конечно, было гораздо меньше, чем теперь), или, что еще хуже, обитаем дикарями, из которых многие *были людоеды* (они имели ужасный обычай несчастных путешественников, выброшенных бурей на берег, приносить в жертву своим богам). Из этого видно, что в то время нужно было гораздо более смелости, чем теперь, чтобы пускаться в отдаленные плавания.

За Мальтой финикияне встречали другой, гораздо более обширный остров — *Сицилию*, искони отличавшийся своим необыкновенным плодородием (в позднейшие времена Сицилия даже называлась *житницей Италии*). За Сицилией лежали малоизвестные тогда острова: *Корсика*, *Сардиния* и группа островов *Балеарских*. Проплыв эти острова и держа путь еще дальше на запад, финикияне достигли, наконец, до крайних пределов Средиземного моря, т. е. до берегов Испании. Когда они в первый раз пристали к берегам Испании, то сделали здесь открытие, которое должно было поразить и обрадовать их (особенно в то время, когда благородные металлы вообще были редки): финикияне нашли в Испании *множество серебряной руды*. И теперь еще на Пиренейском полуострове добывают серебро, но количество, добываемое теперь, не идет ни в какое сравнение с прежним богатством. До какой степени это необычайное богатство поражало древних, об этом дает понятие следующее существовавшее в древности сказание: рассказывали, будто бы когда-то, в незапамятные времена, вся Испания была покрыта густыми, непроходимыми лесами, которые отчего-то загорелись, и тогда будто бы от страшного огня залежи металла, находившаяся в недрах земли, растопились и выступили наружу. Сказание это разумеется, не более, как вымысел, но оно свидетельствует о том, как велики были некогда минеральные богатства Испании. Было еще и другое предание: будто финикияне, в первый раз пристав к испанским берегам, нашли столько серебра, что не знали, что делать с ним. Туземцы, как настоящие дикари, не подозревали цены своих сокровищ и за какую-нибудь безделку охотно позволяли туземцам брать серебра сколько угодно. Тогда — продолжает

предание — финикийцы поделали из серебра всю посуду, всю утварь корабельную, наконец, самые якоря и якорные цепи. Возвратясь с этим богатством на родину, они принесли туда весть о новой открытой ими стране, и с этих пор ежегодно стали отправлять в *Тартес* или *Тарсис* (так называлась у финикийцев и евреев Испания) за серебром целые караваны кораблей, чтобы на это серебро выменивать товары других соседних народов Азии (*в особенности вавилонян, египтян, арабов, армян*), в страны которых также отправлялись *караваны*, только уже сухим путем.

Не надолго, однако, остановились финикийцы на этом открытии: несмотря на скалы, которые делают плавание вдоль южного берега Испании довольно опасным, они добрались до узкого пролива, отделяющего Европу от Африки. Здесь, где море вдруг суживается, их должен был поразить вид скал, которые заграждают с обеих сторон Гибралтарский пролив, точно *громадные столбы*, самой природой поставленные у *ворот Средиземного моря*. Когда за проливом пред ними открылся безбрежный Атлантический океан, тогда в первое время у них невольно могла явиться мысль, что здесь конец твердой земли, что затем уже ничего нет, кроме одного безбрежного, беспредельного моря, воды да неба. Что действительно таково было первое впечатление финикийцев, об этом свидетельствует финикийское предание о том, будто бы эти скалы, лежащие по обе стороны пролива, — *столбы, поставленные финикийским богом Мелькартом* в знак того, что здесь *конец твердой земли*. Греки заимствовали это сказание у финикийцев, только назвали эти столбы по имени одного из своих *героев-богатырей «столбами Геркулеса»*. Столбы эти, впрочем, не надолго остановили предприимчивость финикийцев. В открытый океан они, конечно, боялись пускаться, но зато обогнули Испанию и вдоль берега продолжали подвигаться все далее и далее в северном направлении. Продолжительность пути не пугала их, хотя даже при попутном ветре и при помощи парусов они успевали совершить путь от берегов Финикии до Гибралтарского пролива не менее, как в восемьдесят дней. На пути они продолжали открывать новые страны, а в них новые товары и новые богатства. Так они открыли *острова Касситеридские* (полагают, что это теперешние острова Сцилли)¹⁾, откуда стали вывозить *олово и свинец*; как то, так и другое они могли

¹⁾ У юго-западной оконечности Англии, близ мыса Ландсенд, около входа в канал Ламанш.

находить еще, между прочим, и в теперешней Англии. Говорят, плавания финикийн простирались еще дальше, далее будто бы в Балтийское море, до берегов северной Пруссии. Известно, по крайней мере, что финикийне торговали одним предметом, который добывается почти исключительно на берегах Балтийского моря, а именно — *янтарем*, хотя, конечно, они могли получать его из вторых рук, от каких-нибудь других народов, а не прямо с балтийского берега. Янтарь в древности ценился чрезвычайно дорого, наравне с золотом.

Интересно знать: плавали ли финикийне в противоположном направлении от Гибралтара, на юг, вдоль африканского берега? Да, известно, что они посещали и берега Африки, откуда ими добывалась, например, *слоновая кость*. Мало того, Геродот рассказывает, что за 600 лет до Р. Хр. финикийне отважились на необыкновенно смелое для того времени предприятие: они решились, по желанию египетского фараона *Нехао*, *объехать всю Ливию*, т. е. Африку. «Ливия», рассказывает Геродот, «со всех сторон омывается морем, кроме того места, где она соединяется с материком Азии. Это открыл впервые Нехао, царь египетский, который отправил из Египта несколько кораблей под управлением финикийн, приказав им попытаться доплыть (вокруг Африки) до столбов Геркулеса и этим путем (т. е. чрез пролив Гибралтарский и Средиземное море) возвратиться в Египет. Финикийне выехали из Египта по Эритрейскому (Черному) морю и затем вступили в Южный океан. Когда наступила осень, они вышли на берег, где случилось, и, засеяв участок земли хлебом, прожили там до тех пор, пока посеянное ими поспело к жатве. После жатвы они поплыли далее; таким образом прошло целых два года, и только на третий им удалось через Геркулесовы столбы возвратиться домой. По возвращении они рассказывали, — я, с своей стороны (замечает Геродот), не придаю этому веры, хотя найдутся, может быть, другие, которые и поверят, — будто во время своего плавания вокруг Ливии им *приходилось* (в полдень, обратясь лицом на запад) *иметь солнце по правую руку*. Таким образом в первый раз узнано было протяжение Ливии».

В этом рассказе всего интереснее то обстоятельство, которому Геродот не давал веры, — показание финикийн, что сначала, когда они отправились из Египта, солнце у них было с левой руки, а потом перешло на правую. Это-то именно обстоятельство и доказывает, что в действительности

финикияне, еще за две тысячи лет до европейских мореплавателей нового времени, успели *обогнуть Африку* (первый европеец, обогнувший Африку с запада, уже в 1498 г. после Р. Хр., был португалец *Васко-де-Гама*)¹⁾.

Удивительно ли, что при такой предприимчивости финикияне далеко раздвинули пределы своей торговли и очень разбогатели — естественное следствие обширной и деятельной торговли (в наше время примером этого может служить Англия). При богатстве у них появились многолюдные, богатые города, между которыми особенно замечательны были два: *Сидон «Великий»*, более древний, и младший — *Тир*, который был основан позднее Сидона, но впоследствии превзошел Сидон своим богатством и значением. Тир был основан выходцами из Сидона, потому и назывался «дочерью Сидона». Живые и яркие описания необыкновенного богатства этого города мы встречаем, между прочим, у еврейских пророков. «Тир раздавал венцы», говорит, например, пророк Исаия: «купцы его были — князья, торговцы — знаменитости земли». Особенно возвысилось значение Тира с того времени, когда для большого удобства, торговли и для безопасности от врагов часть его жителей переселилась с морского берега на большой остров, лежавший в море против старого города. На этом острове, укрепленном неприступными стенами как от моря, так и от неприятельских нападений, и соединенном с берегом посредством плотины, был выстроен город, названный *Новым Тиром*.

Неудивительно, что города финикийские были так богаты и многолюдны. Земли было мало, а население очень густо и все еще увеличивалось вследствие постоянного прилива новых выходцев из Ханаана и других соседних стран. Зато и много финикиян *выселялось* из своей маленькой земли в другие.

¹⁾ В самом деле, если мы будем смотреть *на восток* — место, где восходит солнце, то в нашем поясе, на *севере от северного тропика*, солнце в полдень будет видимо нами всегда на юге, т. е. с *правой* руки; если же мы перейдем *на юг от южного тропика*, то в полдень солнце (оно, как нам кажется, движется в течение года *между тропиками* по линиям, параллельным экватору), всегда будет видимо нами на севере, т. е. с нашей *левой* руки. Если, наоборот, мы будем смотреть на *запад*, то и руки переменятся, т. е. выйдет именно так, как рассказывает Геродот. Ясно, что, не зная, как мы в настоящее время это знаем, что земля есть шар, или *действительно* не перейдя за южный тропик, финикияне не могли бы рассказать об очень простом, но так изумившем Геродота явлении.

страны. Иногда такие поселения возникали просто ради торговых целей. В таком случае, разумеется, *не сразу* возник целый город; торговые люди сначала строили контору—*факторию* (такие и до сих пор есть у англичан и других европейцев по берегам Африки), склады для товаров, дома, где жили *приказчики*, скупавшие товар у окрестных туземцев; со временем рядом с домами торговых людей селились другие люди, например ремесленники, работавшие на них; таким образом возникали еще дома, усадьбы, разные здания,

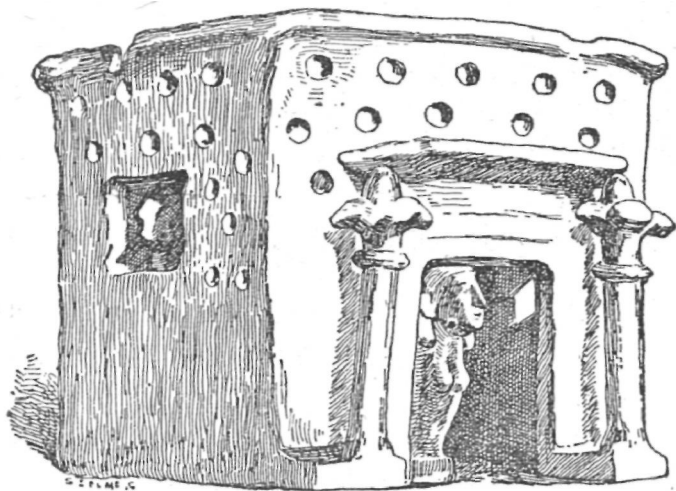

Рис. 37. Финикийский божий дом из глины.

и вот мало-помалу разрастался целый новый город. Но иногда бывало и так, что разом целые многочисленный партии высленцев отправлялись искать *новой родины*, потому что в старом отечестве становилось слишком уж *тесно*; переселенцы выбирали себе начальника, брали с собой изображение своего бога, поместив его в небольшом глиняном «божьем доме», брали жрецов, забирали имущество, садились на корабли, приставали к какому-нибудь берегу и там, выбрав удобное место, основывали *новый город*. Таких городов, построенных финикийскими переселенцами, было очень много; ими были покрыты все берега Средиземного моря. Обыкновенно называют такие города — *колониями*, т. е. выселками, а город-основатель колонии, в котором колонисты жили прежде, до переселения, назывался *метрополией* (т. е. мать-город)¹⁾. Из колоний, основанных финикийцами, особенно замечательны были *три*: две

¹⁾ Слово «метрополия» составилось из двух греческих слов: «метр» — мать и «полис» — город.

в Африке, одна в теперешнем Алжире — *Утика*, и другая рядом, на месте теперешнего Туниса — *Карфаген* (по-финикийски: Карта-Хадата, т. е. Новгород); третья — *Гадес* или Гадир (теперь *Кадикс*), на южном берегу Испании. Кроме этих трех колоний, можно отметить еще *Панорм* в Сицилии (теперь Палермо)¹⁾. Колонии сначала находились в подчинении метрополии, со временем же большею частью становились независимыми; но и тогда между ними и родиной сохранялась *нравственная связь*, которую составляла *религия*. Связь эта выражалась в том, между прочим, что колонисты ежегодно присылали на родину дары в святилища богов, а иногда в некоторые, особенно важные праздники приезжали сами на родину молиться отечественным богам.

РАССКАЗ X.

Изобретения финикийян. — Религия. — Нравы. — Государственное устройство.

Следствием развития мореплавания и богатства у финикийян были их успехи в образованности, о чем свидетельствуют многочисленные изобретения, которыми финикийяне прославились в древнем мире. Некоторые из этих изобретений, действительно, были сделаны финикийянами: мы уже говорили, например, об открытии пурпуровой краски, которая так дорого ценилась в древности. Ткани, окрашенные в пурпур, имели право носить только цари и самые богатые и знатные люди (вспомним богача евангельской притчи, который облакался в *багряницу*, или порфиру, то же, что пурпур, и *виссон*, тонкое полотно египетской работы), а у римлян даже самые высшие сановники позволяли себе украшать свое платье одной только пурпуровой каймой. Но многие изобретения были только приписаны финикийянам. Так, между прочим, в древности были убеждены, что финикийяне изобрели *приготовление стекла*. Существовал даже рассказ, по которому оказывалось, что и этим изобретением финикийяне, подобно открытию пурпура, были обязаны нечаянному случаю. Раз будто бы, высадившись на какой-то берег, финикийские купцы развели огонь, чтобы сварить себе пищу, и под котел, в котором варилось кушанье, подложили два случившиеся тут камня. Оказалось, что эти камни,

¹⁾ Можно упомянуть еще *Тарсис* или *Тартес* в Испани, потому что по его имени в Ветхом Завете вся Испания называется Таршиш.

были кусками *селитры*, и вот, растопившись, селитра смешалась с песком и золой, и от этой смеси получился блестящий, прозрачный сплав — стекло. Весь этот рассказ, по всей вероятности, не более, как выдумка греков, которые, знакомясь со многими предметами впервые из рук финикийцев, финикийцам же приписывали и самое изобретение этих предметов. Первыми изобретателями стекла следует, по всей вероятности, считать египтян; в Финикии производство стекла было, кажется, только усовершенствовано и получило особенно широкое развитие; известно, что у них были даже целые города, как, например, *Сарепта Сидонская*, славившиеся своими стеклянными изделиями. Заметим кстати, что в древности стекло не имело того значения, какое оно имеет в наше время, когда благодаря стеклу наши жилища пользуются теплом и светом. В древности не умели выделывать стекол такого большого размера и такой прозрачности, как умеют теперь. В то время из стекла выделывались преимущественно сосуды, которые иногда ценились так, как теперь ценятся разве только самые дорогие фарфоровые вещи. Из стекла же финикийцы готовили и разного рода мелкие украшения: бусы, ожерелья и т. п. И теперь еще, пожалуй, в Африке есть дикари, которые готовы отдать что угодно за какое-нибудь блестящее стеклянное ожерелье, и европейцы пользуются этой страстью диких к блестящим, стеклянным игрушкам, как

пользовались ею в древности финикийцы, с той только разницей, что в то время *дикари, с которыми они имели дело, жили не в Африке и не в Австралии, а в Европе.*

Значительного искусства достигли финикийцы и в производстве металлических изделий. Сначала все такие изделия готовились из бронзы, т. е. из сплава меди с оловом. Из бронзы выделывались всевозможные орудия: копья, мечи, ножи, молотки, гвозди. С этими изделиями финикийские купцы являлись в такие страны, где жители совсем не умели обрабатывать металлов и потому довольствовались мечами, ножами, секирами, стрелами из камня или из рыбьей кости. Понятно, с какой жадностью кидались дикари на какой-нибудь бронзовый нож или топор и с какой выгодой для финикийцев

выменивали они у них эти мнимые драгоценности на действительно ценные произведения своей страны. Впоследствии финикийцы выучились обрабатывать и железо, но не оставили бронзы: они продолжали готовить из нее посуду, которая чрезвычайно славилась в тогдашнем мире.

Не одними, впрочем, только ремесленными изобретениями прославились финикияне. Они были купцами: поэтому им нужно было уметь хорошо *мерить и весить* товары. Понятно, что финикияне должны были рано почувствовать необходимость иметь определенную меру и определенный вес. Греки приписывали финикиянам изобретение единиц меры и веса, опять-таки, может быть, потому только, что сами впервые от финикийян выучились вешать и мерить. Но в действительности меры и вес финикияне заимствовали у вавилонян, о которых скоро пойдет речь. Заслуга же финикийян заключается в том, что они распространили знание меры и веса между всеми народами, с которыми они имели торговые сношения.

Точно так же, занимаясь торговлей, финикияне должны были заметить, что *меняют товар на товар не всегда удобно*: то продавец и покупатель нескоро условятся в цене, потому что одна сторона ценит свой товар слишком дорого, другая, напротив, дает за него слишком дешево; то одна сторона и желала бы обменять свой товар, но не имеет у себя того, что нужно покупателю, и потому или должна совсем отказаться от сделки, или уступить свой товар за бесценок. С какими трудностями была сопряжена исключительно *меновая торговля*, это видно из того, как, по рассказам Геродота, производилась мена в северной Африке. Высаживались финикийские купцы на какой-нибудь берег, разводили там большой костер, и столб дыма, поднимавшийся от костра, давал знать туземцам о прибытии заморских купцов. Разложив у костра свои товары, они уходили на корабли. Тогда приходили туземцы, осматривали выложенные на берегу товары и, если они им нравились, клали тут же рядом свои произведения, предлагаемые в обмен, и, в свою очередь, также уходили. После этого финикияне сходили опять на берег, осматривали предметы, оставленные туземцами, и, если были довольны количеством и качеством оных, то забирали их, оставляя в обмен свои. Если же то, что они находили на берегу, им казалось недостаточным, они уходили опять, не взяв ничего из предложенного туземцами, и так продолжалось до тех пор, пока не были удовлетворены обе стороны. Отчего же обе стороны не сходились вместе и не договаривались, как это теперь делается при всякой торговле? Оттого, что народы, с которыми финикиянам приходилось иметь дело, были грубы и дики, вследствие этой грубости и дикости нравов не могло быть взаимного доверия, могли легко возникать споры, а споры

переходили в кровавую драку и могли кончаться очень дурно. Вот почему предпочитался способ *немой мены*, как более безопасный.

Понятно, однако, сколько неудобств представлял этот способ, сколько при этом приходилось тратить даром времени. Финикияне, как и другие народы, занимавшиеся торговлей, мало-помалу стали производить обмен всех товаров на один такой товар, который *имел для всякого и всегда одинаковую ценность и на который можно было менять всякий товар без исключения*. Всего пригоднее для этой цели *драгоценные металлы*: потому что 1) они очень дороги, и на них, стало быть, можно

Рис. 38. Монета из Сидона.

Рис. 39. Монета с остр. Кипра.

выменять большее количество товара; 2) они не подвержены порче; 3) ценность их не изменяется или, по крайней мере, мало изменяется; 4) их гораздо легче спрятать и всегда иметь при себе, чем товар. Без сомнения, гораздо удобнее отправиться за покупками, имея при себе несколько *фунтов* золота или серебра, чем на ту же цену несколько *пудов* какого-нибудь товара. Сначала золото и серебро употребляли для мены в виде больших кусков или слитков, а когда было нужно, от слитка или куска *рубили* такое количество по весу, сколько было нужно, чтобы заплатить за товар. Так делалось, по крайней мере, в старину у нас на Руси: у нас употреблялись четырёхугольные слитки, которые назывались *гривнами*; когда было нужно, от них *отрубали* кусочки, и вот эти-то кусочки первоначально, собственно, и назывались—«рублями»; так же поступали египтяне и вавилоняне; так, вероятно, сначала делали и финикияне. Потом люди додумались, что вместо того, чтобы каждый раз все рубить да отвешивать, гораздо удобнее и вернее иметь заранее заготовленные кусочки золота и серебра *определенного веса и определенной цены* (сперва, вероятно, четырёхугольные, потом круглой формы). Чтобы избежать подделки, те, кто занимался приготовлением таких кусочков (обыкновенно это право принадлежало государю или городу), выставляли на них свое клеймо, цену, какое-нибудь изображение.

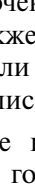
Такие кусочки и были то, что мы называем теперь *монетой* или *деньгами*. Египтяне не дошли до изготовления денег и довольствовались *отвешиванием* золота и серебра при продаже; но у финикийян появились настоящие деньги. Понятно, насколько должна была перемениться, сделаться удобнее и легче торговля с введением монеты.

Было еще одно очень важное изобретение, честь которого греки приписывали также финикийцам. Это — *изобретение азбуки*. Финикийяне познакомили со своей азбукой различные народы, с которыми находились в торговых сношениях, в том

а —

г —

е —

м —

о —

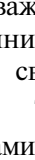
р —

Рис. 40. Справа — буквы из финикийской азбуки; слева — образовавшиеся из них буквы современный.

числе и самих греков. Финикийская азбука была гораздо совершеннее египетского письма, потому что это была уже *настоящая азбука*, состоявшая из одних только букв, уже совершенно свободная от примеси изображений; в их азбуке для каждого звука был один определенный знак или *буква* (рис. 40.). Буквы в то же время служили и для обозначения *чисел* (как в языке церковно-славянском). Эту азбуку от финикийян заимствовали *греки*¹⁾, а азбуки всех современных европейских народов: немцев, французов и т. д., в том числе и наша *церковно-славянская и русская азбука, суть переделки или видоизменения греческой или финикийской азбуки*. Таким образом, все европейские народы оказываются учениками финикийян.

Что же следует из всего сказанного? Мы видели, что финикийяне отправились в свои далекие плавания с целями исключительно торговыми, исключительно для торговли и наживы, но вместе с своими товарами и мануфактурными произведениями они *развозили по свету и семена образованности*. Следовательно, финикийяне были не просто купцы; они были и *учителями, просветителями* тех менее образованных или даже и вовсе диких народов, с которыми им приходилось вести торг. Одним они сообщали употребление огня (в то время были дикари, стоявшие на такой низкой степени развития, что-

¹⁾ Память об этом заимствовании сохранилась, между прочим, в названиях двух первых букв греческой азбуки: *альфа* и *бета*, откуда произошло слово *алфавит*. Эти слова финикийские: соплеменные финикийцам арабы до сих пор первую букву своей азбуки называют — *элиф*, а евреи — *алеф*, а вторую букву *бет*.

не умели даже добывать огонь), других знакомили с весом и мерой, третьих учили употребление металлических орудий, азбуке и разным удобствам жизни. Вот почему финикияне имеют право на наше уважение, как распространители просвещения в такое время, когда берега Средиземного моря и вообще Европа были населены дикарями, которые иногда стояли на такой низкой степени развития, на какой теперь находятся разве только дикие обитатели Австралии или внутренней Африки.